ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья
УДК 140.8
doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-2-9

КРИЗИС СОЛИДАРНОСТИ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

© Людмила Григорьевна Бабахова
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
babahova_l@mail.ru

Аннотация. Представлено социально-философское осмысление кризиса солидарности в постметафизическую эпоху. Кризис рассматривается как закономерное следствие деонтологизации – системного процесса утраты бытием его классических атрибутов. Раскрыто понятие деонтологизации как перехода от общества, укорененного в объективном порядке, к обществу, легитимирующему себя через согласие автономных субъектов. Прослежена эволюция индивидуализма от героического через нарциссический к фигуре «индивида-тирана», проанализированы новые формы псевдосолидарности. Показано, что в условиях распада общих символических универсумов и кризиса социализации формируется пластичная идентичность, лишенная субстанциального ядра, а солидарность утрачивает онтологическую укорененность, замещаясь симулятивными и аффективными формами общности. Обосновано, что кризис солидарности имеет не конъюнктурный, а структурный характер и требует осмысления в перспективе социальной онтологии.

Ключевые слова: солидарность, деонтологизация, индивидуализм, пластичная идентичность, нео-племена, гиперреальность, постметафизическая эпоха.

Для цитирования: Бабахова Л.Г. Кризис солидарности в постметафизическую эпоху // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 116. № 3. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-2-9

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Crisis of solidarity in the post-metaphysical era

© Ludmila G. Babakhova
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
babahova_l@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a socio-philosophical understanding of the crisis of solidarity in the post-metaphysical era. The crisis is considered as a natural consequence of deontologization – a systemic process of the loss of the classical attributes of being. The concept of deontologization is revealed as a transition from a society rooted in an objective order to a society that legitimizes itself through the consent of autonomous subjects. The evolution of individualism from the heroic through the narcissistic to the figure of the "individual-tyrant" is traced, and new forms of pseudo-solidarity are analyzed. It is shown that under the conditions of the disintegration of common symbolic universes and the crisis of socialization, a plastic identity devoid of a substantial core is formed, and solidarity loses its ontological rootedness, being replaced by simulative and affective forms of community. It is substantiated that the crisis of solidarity has not a conjunctural but a structural character and requires comprehension in the perspective of social ontology.

Key words: solidarity, deontologization, individualism, plastic identity, neo-tribes, hyperreality, post-metaphysical era.

For citation: Babakhova L.G. Crisis of solidarity in the post-metaphysical era. *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 116. No 3. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2026-116-3-2-9

Введение

Кризис солидарности принадлежит к числу тех проблем, которые требуют не столько эмпирической констатации, сколько философского осмысления своих оснований. Для социально-философской мысли вопрос о солидарности предстает как вопрос о самом способе бытия общества как целого, об условиях возможности устойчивой связи между людьми в постметафизическую эпоху, то есть в такой исторической ситуации, когда метафизические, рели-

гиозные и рационально-универсалистские обоснования этой связи утратили свою силу. Именно поэтому анализ солидарности в эту эпоху обладает прямой теоретической актуальностью, позволяя не просто зафиксировать очередное проявление «кризиса современности», но выйти на уровень предельных социально-онтологических условий, при которых солидарность либо возможна, либо принципиально проблематична.

Современная эпоха все чаще описывается в терминах кризиса: кризис идентичности, кризис доверия, эрозия социальных связей. За этими констатациями стоит общее ощущение того, что привычные формы солидарности – классовые, национальные, религиозные утрачивают свою силу, а новые, приходящие им на смену, оказываются слишком хрупкими, чтобы служить основой для устойчивого совместного бытия. Однако сам по себе кризис солидарности еще не говорит о его причинах.

Обсуждение

Во второй половине XX – начала XXI вв. проблематика солидарности и ее исторических трансформаций становится предметом активного рассмотрения в социально-философской мысли. З. Бауман [2], разрабатывая концепцию «текучей современности», показал, что устойчивые социальные структуры «плавятся», а идентичность и связи становятся предметом индивидуального выбора и перманентного пересмотра. М. Маффесоли [6] зафиксировал появление «нео-племён» – эфемерных, аффективных сообществ, сменяющих долгосрочные формы коллективности, а Э. Саден [8], осмысляя цифровую эпоху, ввёл фигуру «индивида-тирана» и концепт «тоталитаризма множества», фиксирующий спонтанную тиранию атомизированных индивидов, утративших общее пространство взаимопонимания.

При всем богатстве накопленного материала остается недостаточно проясненным вопрос о том, что именно на онтологическом уровне делает возможным сам этот кризис солидарности – не как временного ослабления институтов, а как фундаментального сдвига в способе существования социального целого.

Цель статьи – выявить онтологические основания кризиса солидарности в постметафизическую эпоху через анализ процесса деонтологизации и его антропологических и социальных последствий. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. раскрыть понятие деонтологизации как смены социальной онтологии и кризиса легитимирующих символических универсумов;
2. проследить эволюцию индивидуализма и эрозию традиционных форм солидарности;
3. проанализировать новые формы псевдосолидарности;
4. показать связь кризиса солидарности с формированием пластичной идентичности.

Методологическую основу исследования составляют социально-онтологический и историко-генетический подходы, а также критическая рецепция ключевых социально-философских теорий (П. Бергер и Т. Лукман, З. Бауман, Б.-Ч. Хан, Ж. Бодрийяр).

В качестве ключевого концепта, позволяющего раскрыть онтологические корни кризиса солидарности, мы вводим понятие деонтологизации – системного процесса утраты бытием его классических атрибутов (устойчивости, полноты, иерархической организованности), в результате которого сущее лишается онтологической укорененности, а социальные связи перестают восприниматься как необходимые и начинают пониматься как контингентные, зависимые от субъективной воли и договора.

Классические формы социальности – от античного полиса до новоевропейского гражданского общества, покоились на том или ином варианте онтологического фундамента (Логос, Бог, разумный порядок). Этот фундамент задавал обществу иерархию, легитимный центр и ценностно-символическое единство. Индивид здесь не «конструировал» себя, а вписывал в предзаданный порядок, в котором его идентичность выступала функцией его места в социальном целом, а социальные связи носили характер не договорных, а субстанциальных отношений.

Процесс деонтологизации разрушает этот фундамент. В социально-онтологическом измерении деонтологизация представляет собой переход от общества, укорененного в том или

ином варианте объективного порядка (сакрального, космического, разумного), к обществу, которое легитимирует себя исключительно через согласие автономных субъектов, чья воля становится единственным источником норм и связей. Если прежде порядок мыслился как данный, то теперь он начинает мыслиться как произведенный.

Для понимания данного процесса необходимо, на наш взгляд, обратиться к теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно их концепции, социальный порядок создается (экстернализируется) в ходе взаимодействий, затем начинает восприниматься как объективная реальность (объективируется) и, наконец, усваивается индивидами (интернализируется). Ключевую роль в этом процессе играет легитимация – символический универсум, объясняющий и оправдывающий существующий порядок и защищающий его от хаоса [3, с. 156–170].

С точки зрения Бергера и Лукмана, «символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума» [3, с. 158], а его разрушение грозит человеку «аномическим ужасом» – экзистенциальным состоянием, в котором индивид лишается осмысленного мира и оказывается один на один с хаосом бессмысленности. В до-модерных обществах такую функцию выполняли миф, религия и метафизика – те самые фундаменты, которые разрушаются в ходе деонтологизации.

Деонтологизация, таким образом, предстает как радикальный кризис легитимирующих универсумов, при котором символические системы, прежде обеспечивавшие интеграцию общества на уровне предельных смыслов, утрачивают убедительность, оставляя социальный порядок без онтологической опоры.

Основным следствием деонтологизации становится тенденция к атомизации социальных связей, в ходе которой общий символический универсум исчезает, а общество перестает быть «целым» в онтологическом смысле, превращаясь в агрегат изолированных индивидов. В такой ситуации отношения между индивидами регулируются либо балансом частных интересов (либеральная модель), либо принудительным подчинением одной воли всем остальным (тоталитарная модель). В обоих случаях единство перестает быть органическим, а солидарность – самоочевидной. Следует отметить, что деонтологизация не просто разрушает социальную структуру, но способствует формированию нового антропологического типа – человека, чья внутренняя конституция уже не предполагает устойчивой связи с другими.

Рассмотрение эволюции индивидуализма от его возрожденческой версии до современного представления, позволяет увидеть, как в ходе его последовательной трансформации от героического самоутверждения через нарциссическую замкнутость к фигуре «индивида-тирана» разрушается сама способность человека к устойчивой солидарности.

На первом этапе развития индивидуализма, который Э. Мунье называет «героическим», индивид эпохи Возрождения и раннего Нового времени еще сохраняет связь с трансцендентными ценностями, хотя уже утверждает свою автономию. Его индивидуализм – это индивидуализм сильной личности, способной к ответственности и риску. Однако по мере развития капитализма «героическая» фигура сменяется «буржуа», чьи ценности сводятся к комфорту, безопасности и накоплению [7, с. 274–276]. Солидарность здесь еще существует, но уже как инструментальная, обслуживающая частные интересы и не требующая от человека выхода за пределы своего «я».

Следующий этап связан с появлением нарциссической личности, описанной К. Лэшем [10]. Как показывает Лэш, нарцисс не просто самовлюблен, но глубоко зависим от внешнего подтверждения. Его «я» лишено внутреннего стержня и постоянно нуждается в признании. Социальные связи выступают для него в качестве зеркал, в которых он ищет свое отражение. Солидарность в таком контексте перестает быть даже инструментальной, превращаясь в эмоциональный сервис, который потребляется наравне с другими благами.

Наиболее радикальную форму современный индивидуализм обретает в фигуре «индивида-тирана», требующего, чтобы вся реальность подстраивалась под его субъективные эмоции и желания, всесторонне проанализированную Э. Саденом [8]. Саден прослеживает эволюцию этого типа индивидуализма через несколько этапов. Неолиберальный поворот конца XX в. разрушил идеал социальной гармонии и заменил его императивом личной эффективности: отныне каждый должен быть «победителем», а любые формы коллективной защиты объявляются помехой экономической динамике [8, с. 71–73].

Свобода начинает пониматься исключительно как свобода экономической инициативы, и индивид, лишенный прежних социальных гарантий, вынужден искать опору в самом себе. Это порождает, по выражению Садена, эпоху «кокона» – время, когда люди все больше сосредоточиваются на своем теле, домашнем уюте и потреблении, компенсируя в приватной сфере утрату контроля над публичной [8, с. 76–77].

Цифровая революция демонстрирует апогей данного процесса. Социальные сети превращаются в «гигантскую машину лести», «единственная цель которых – польстить современному индивиду» [8, с. 111]. В такой ситуации, с одной стороны, каждый получает возможность постоянно ощущать собственную значимость через лайки, комментарии и перформативное самопредъявление, но с другой – свобода самовыражения становится, как показывает Саден, новой, невидимой формой подчинения: те же платформы, которые дарят иллюзию всемогущества, собирают данные о поведении пользователей и управляют им через алгоритмы. Возникает парадоксальное сочетание субъективного ощущения расширенной самостоятельности и объективного усиления контроля.

Саден указывает на формирование «тоталитаризма множества: единственный приоритет – личные взгляды, поскольку в собственных глазах мы прежде всего жертвы, лишившиеся возможности рассчитывать на общество, и на этом основании полагаем само собой разумеющимся и законным присваивать некоторые права» [8, с. 311]. Тоталитаризм множества в отличие от классического тоталитаризма, организованного сверху государством, вырастает снизу, спонтанно, из атомизированных индивидов, каждый из которых замкнут в собственной системе взглядов и не способен к диалогу с инаковостью. Исчезает общее пространство взаимопонимания, социальные связи дезинтегрируются, а единственным основанием для временного сплочения оказывается, например, образ врага или общая обида. Саден называет это «стремительной монадизацией мира» – состоянием, в котором солидарность окончательно подменяется аффективной тиранией множества разрозненных «я» [8, с. 200].

Распад традиционных форм солидарности не означает исчезновения потребности в общности, напротив, она находит выход в новых, но принципиально иных конфигурациях, которые уже нельзя назвать солидарностью в классическом смысле.

М. Маффесоли описывает этот процесс через концепцию «нео-племен» [6] – эфемерных, аффективных сообществ, основанных на общности стиля жизни, вкусов и эмоций. В отличие от больших коллективных идентичностей (класс, нация, конфессия), нео-племена, «трибы», как их называет Маффесоли, не требуют от индивида ни самоограничения, ни жертвенности, ни долгосрочных обязательств. Их ситуативность проявляется в том, что сегодня человек может быть частью одного «племени», завтра – другого. Такая ситуативная принадлежность не формирует устойчивого «мы», а лишь предоставляет площадку для презентации собственной пластичной идентичности.

Маффесоли подчеркивает, что на смену жесткой структуре «индивид – общество» приходит принципиально иная конфигурация. Классический модерн, по его мысли, основывался на «сведении к единому»: «По образу единого Бога индивид должен иметь одну единственную идентичность, Государство является единым, Общественный институт рационализован» [6, с. 287]. Однако сегодня эта парадигма разрушается, «цивилизацию резонерства, что построена на управляемой истории и контрактных общественных связях, сменяет культура инстинкта... Рациональный индивид, заключенный в рамки стабильных институций... сменяется персоной [personne] по меньшей мере неопределенной» [6, с. 281].

В цифровой среде эта тенденция получает свое наиболее полное выражение. Б.-Ч. Хан указывает, что в виртуальном пространстве исчезает само сопротивление Другого – все становится прозрачным, доступным и «лайкабельным». Это разрушает саму возможность подлинной общности, которая, по Хану, всегда требует негативности, инаковости, сопротивления. Как указывает Хан, «новые медиа и коммуникативные технологии разрежают бытие к другому, в виртуальном пространстве нарциссическое Я встречается прежде всего с самим собой» [9, с. 53].

Другой перестает восприниматься как вызов, препятствие или граница, превращаясь либо в объект потребления, либо в зеркало для собственного нарциссизма. «Друзья» в социальных сетях, – добавляет Хан, – выполняют прежде всего нарциссическую функцию повышения самооценки, поскольку они как потребители награждают своим вниманием Я, выставленное напоказ подобно товару» [9, с. 54]. Именно это объясняет, почему новая социальность носит симулятивный характер. Для подлинной общности, согласно Хану, была необходима негативность, сопротивление, однако в мире «одинакового» Другой исчезает, все различия нивелированы, солидарность неизбежно подменяется виртуальным «следованием», не создающим никакой реальной связи.

Теоретическое выражение этого процесса дает Ж. Бодрийяр, говоря о «конце социального». С его точки зрения, социальное – не вечная и универсальная реальность, а исторически конкретный способ организации смысла, возникший в Новое время и ныне находящийся в процессе исчезновения. В современном обществе, утверждает Бодрийяр, социальное перестает быть той плотной, субстанциальной тканью связей, институтов и норм, которая прежде противостояла индивиду как объективная реальность. Оно поглощается логикой знаков, симуляции и массы – «чёрного ящика», который больше не производит смысл, а лишь поглощает и нейтрализует любое обращенное к нему сообщение.

Масса у Бодрийяра – это не класс, не народ, не социальный субъект в классическом смысле, она «не обладает ни атрибутом, ни предикатом, на качеством, ни референцией» [4, с. 10], представляя собой «неподъемное ничто всех дискурсов» [4, с. 11]. В отличие от социальных групп модерна, масса ничего не излучает вовне: «они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла» [4, с. 7]. Именно в этой абсолютной пассивности, как показывает Бодрийяр, и кроется парадоксальная форма сопротивления: масса отвечает на социальные императивы гиперконформизмом, доводящим их до абсурда и тем самым аннулируя.

В такой перспективе солидарность не просто ослабевает, но становится симулякром, формой без содержания, знаком, циркулирующим в коммуникативных сетях, но не отсылающим ни к какой реальной общности. Социальное, заключает Бодрийяр, уступает место «гиперреальности» – миру, в котором различие между подлинным и симулированным, между присутствием и отсутствием, между «мы» и «они» окончательно стирается: «это молчание переводит политическое и социальное в сферу гиперреальности, где они сейчас и находятся» [4, с. 36], а масса остается «тем, что остается, когда социальное забыто окончательно» [4, с. 11].

Исчезновение социальной реальности как устойчивой, объективированной ткани связей и норм, которое фиксирует Бодрийяр, находит свое обоснование в тех направлениях мысли, которые сознательно отказываются от любых претензий на обладание окончательной истиной о человеке. Наиболее последовательно данную линию проводит Дж. Ваттимо.

Дж. Ваттимо в работе «Прозрачное общество» описывает современность как эпоху «дереализации» – утраты единой, централизованной картины мира под воздействием масс-медиа. Вопреки опасениям Франкфуртской школы, медиа произвели не тотальную манипуляцию, а «всеобщий взрыв и преумножение Weltanschauungen» [5, с. 12], сделав невозможной какую-либо единую реальность. Реальность отныне есть «результат переплетения многочисленных образов, интерпретаций, реконструкций» [5, с. 14], которые конкурируют между собой без центральной координации.

В этой ситуации человек, по мысли Ваттимо, обретает свободу особого рода – свободу «колебания», непрекращающегося движения между причастностью и потерянностью. Жить в мире множественных культур и «диалектов», поясняет Ваттимо, означает «иметь опыт свободы, ощущать его как непрекращающееся колебание между причастностью и потерянностью» [5, с. 18]. Однако эта свобода не абсолютна, сам Ваттимо признает, что у «дереализации» есть границы, и главной из них выступает рынок – та «реальная» сила, которая подчиняет медиа экономической логике и тем самым сдерживает освобождающий потенциал эстетизации [5, с. 92].

Рассмотренные сдвиги в структуре социальных связей – от распада традиционных форм солидарности до появления симулятивных и аффективных форм общности, свидетельствуют о глубинном антропологическом сдвиге. Классические формы солидарности предполагали, что человек способен выходить за пределы частного интереса к общему благу, поскольку укоренен в порядке, превосходящем его индивидуальное существование. Деонтологизация разрушает эту укорененность, оставляя человека в пределах его непосредственной фактичности – телесных потребностей, желаний и социальных ролей.

Идентичность становится пластичной, превращаясь в перманентный проект, собираемый по принципу коллажа из культурных фрагментов. Однако сама возможность «выбирать» идентичность возникает лишь тогда, когда разрушен общий символический универсум, прежде задававший индивиду устойчивое место в социальном порядке. Как подчеркивают Бергер и Лукман, «иметь данную идентичность – значит занимать особое место в мире, предписываемое определенными правилами» [3, с. 216].

С точки зрения Бергера и Лукмана, распад общего символического универсума и сопутствующее ему формирование пластичной идентичности неразрывно связаны с кризисом социализации. В стабильных обществах первичная и вторичная социализация образуют относительно непротиворечивое единство, а идентичность поддерживается как самим индивидом, так и референтной группой. Однако в отсутствие общего символического универсума социализация перестает быть целостной: различные социальные контексты транслируют взаимоисключающие системы легитимации, а «значимые другие» сменяются с растущей скоростью, что и ведет к формированию пластичной идентичности, которая, в отличие от идентичности, укорененной в устойчивой социальной структуре, не обладает субстанциальным ядром и вынуждена постоянно адаптироваться к меняющимся условиям [3, с. 210–230].

Пластичная идентичность, однако, не является пространством свободы в полном смысле слова. Она глубоко зависима от внешних источников – моды, медиа, алгоритмов, которые поставляют образцы для самоконструирования. Более того, свобода этого самоконструирования социально стратифицирована.

Введенная З. Бауманом метафора «туристов» и «бродяг» фиксирует фундаментальную асимметрию в том, как разные социальные группы переживают пластичность идентичности. «Туристы» перемещаются в пространстве стилей, профессий и самоописаний добровольно, воспринимая смену идентичности как увлекательное приключение; их мобильность обеспечена ресурсами и социальными гарантиями. «Бродяги», напротив, движимы не желанием, а необходимостью: их «вышвыривают» из привычных социальных ниш, но при этом не дают доступа к тем благам, которые открыты для «туристов».

Как отмечает Бауман, «туристы остаются на месте или отправляются в путь, когда душе угодно... Бродяги – отходы мира, посвятившего себя обслуживанию туристов» [1, с. 132]. И далее он подчеркивает, что асимметрия между ними встроена в саму логику социального порядка: «Одно из различий между “верхами” и “низами” заключается в том, что первые могут оставить далеко позади, покинуть последних, но не наоборот» [1, с. 124]. В результате для одних пластичность оборачивается пространством творческой игры, а для других является навязанной нестабильностью.

В этих условиях солидарность не может быть устойчивой. Если у человека нет постоянного онтологического ядра, если его идентичность постоянно пересматривается, если выс-

шей ценностью объявлена его уникальность, то он не может и не хочет жертвовать ею ради чего-то внешнего. Любая устойчивая форма коллективности начинает восприниматься как ограничение, как насилие над свободой самоконструирования. Солидарность, понимаемая прежде всего как служение общему, уступает место краткосрочным альянсам, обслуживающим частные интересы.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что кризис солидарности в постметафизическую эпоху имеет не конъюнктурный, а структурный характер. Он не сводится к ослаблению социальных институтов, а имеет свои истоки в самом онтологическом устройстве позднемодерного общества – утрате тех предельных оснований, которые прежде скрепляли социальную ткань. Деонтологизация, разрушившая бытие как устойчивый фундамент человеческой самости и подорвавшая легитимирующие символические универсумы, закономерно ведет к атомизации индивидов и замене субстанциальной солидарности ее симулятивными формами.

В этой перспективе кризис солидарности предстает как закономерное следствие фундаментального онтологического сдвига, в ходе которого сам фундамент совместного бытия – укорененность социальных связей в устойчивом порядке, оказывается утраченным. Возникает вопрос: может ли солидарность, лишенная метафизических гарантий и ставшая предметом индивидуального конструирования, вновь обрести онтологическую устойчивость, не возвращаясь к до-модерным формам и не превращая свободу в инструмент саморазрушения? Ответ на него остается открытым, но сама его постановка указывает направление дальнейшего социально-философского поиска.

Список источников

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 188 с.
2. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.
5. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. 128 с.
6. *Маффесоли М.* У каждого свои трибы: от контракта к пакту / Пер. с фр. Марии Пророковой. Науч. ред. В.А. Подорога, отв. ред. А.А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016. С. 281–290.
7. *Мунье Э.* Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с.
8. *Саден Э.* Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.
9. *Хан Б.-Ч.* Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Изд-во АСТ, 2024. 192 с.
10. *Lasch C.* The culture of narcissim. New York, London. W.W Norton & Company, 1991. 282 p.

References

1. *Bauman Z.* Globalization. Consequences for man and society. M.: Publishing house “The Whole world”, 2004. 188 p.
2. *Bauman Z.* Fluid modernity. St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p.
3. *Berger P., Lukman T.* Social construction of reality. M.: Medium, 1995. 323 p.
4. *Baudrillard J.* In the shadow of the silent majority, or the End of the social. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2000. 96 p.
5. *Wattimo J.* Transparent society. M.: Logos, 2002. 128 p.

6. *Maffesoli M.* Everyone has their own tribes: from contract to pact / Translated from French by Maria Prophetova. Scientific ed. by V.A. Podoroga, ed. by A.A. Paramonov. M.: R. Valent, 2016. pp. 281-290.
7. *Mounier E.* Manifesto of personalism. M.: Republic, 1999. 559 p.
8. *Saden E.* Tyranny of the Ego: the end of the common world. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2023. 336 p.
9. *Khan B.-H.* Topology of violence. Criticism of the society of positivity of late modernity. M.: AST Publishing House, 2024. 192 p.
10. *Lash K.* The culture of narcissism. New York, London. W.W. Norton & Company, 1991. 282 p.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 17.04.2026.
The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 17.04.2026.